

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕАЛЬНОСТЬ, МОДАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ И НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В.В. ОГЛЕЗНЕВ, доктор философских наук, профессор Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), email: ogleznev_vitaly@mnu.kz

Актуальность темы статьи заключается в продолжении философско-правового обсуждения онтологического статуса правовых норм и природы онтологически идеальных сущностей в контексте статьи немецкого философа права Лоренца Кэлера «Каково идеальное измерение права?», публикуемой в настоящем номере. *Предметом исследования* является теория онтологической идеальности права и ее модальные и нормативные предпосылки. *Цель работы* состоит в критическом анализе аргументов Л. Кэлера в контексте тезиса о притязании права на моральную правильность. *Методами исследования* выступают концептуальный анализ и модально-логическая реконструкция аргументов. *Новизна исследования* заключается в выявлении реалистских оснований теории Л. Кэлера и привлечении иных объяснительных моделей альтернативных онтологическому идеализму. *Основные выводы* сводятся к тому, что модальный аргумент Л. Кэлера касается лишь логической, но не институциональной необходимости притязания права на моральную правильность, и оставляет возможность неметафизического объяснения нормативности.

Ключевые слова: онтологическая идеальность, притязание на правильность, существование, нормативность, метафизика права, пропозициональное содержание, идеальные сущности, эмпирические факты, нормы права, Л. Кэлер.

Введение

Статья современного немецкого философа права Лоренца Кэлера “What Is the Ideal Dimension of Law?” [15], перевод на русский язык которой публикуется в настоящем номере, является очередным вкладом в развитие его теории онтологической идеальности правовых сущностей, а также в некотором смысле завершением разработки ее методологических оснований [см. 4, 5]. Оппонируя позиции другого современного философа права Роберта Алекси, что «идеальное» измерение права (то есть его связь с такими идеальными сущностями, как мораль, справедливость, достоинство и т.п.) обусловлено его «притязанием на моральную правильность» (claim to moral correctness) [11, p. 174], Л. Кэлер стремится показать, что подобный редукционизм неоправдан, и в качестве альтернативы предлагает свою идею идеальности, где среди прочего утверждается, что во-первых, моральная правильность не является необходимым условием юридической действительности (вполне могут существовать аморальные правовые нормы), и во-вторых, даже если право и претендует на моральную правильность, это еще не означает, что оно идеально или становится таковым (притязания могут ложными или необоснованными). Однако целью данной статьи является не пересказ идей и аргументов Л. Кэлера в его споре с Р. Алекси, с чем вдумчивый читатель вполне может справиться самостоятельно, а скорее анализ философских оснований его теории, и тех допущений, от которых он отталкивается, развивая свою позицию.

Материалы и методы исследования

Теория онтологической идеальности права Л. Кэлера восходит к традиции *онтологического правового идеализма*, согласно которому право представляет собой особую, нематериальную и

независящую от эмпирических фактов сущность, которая является частью умпостигаемого мира. Право не может быть полностью сведено к эмпирическим фактам (судебным решениям, нормативным актам или действиям законодателя) хотя бы потому, что такое сведение потребовало бы установления того, какие факты являются нормативными, и почему. Отсюда делается вывод, что право имеет собственное бытие, не подверженное эмпирическому наблюдению. Право существует как система смыслов и норм, которые могут быть открыты разумом и применяться независимо от исторического контекста [6, с. 39]. В этом смысле онтологический правовой идеализм является метафизической позицией.

Несмотря на то, что между классическими версиями онтологического правового идеализма и теорией онтологической идеальности права Л. Кэлера действительно прослеживаются некоторые параллели (прежде всего в признании внеэмпирического и нематериального характера правовых норм), между ними все же есть важные различия. В частности, Л. Кэлер утверждает, что право является онтологически идеальной сущностью не потому, что оно *должно* быть совершенным (или идеальным), а потому что оно обладает особой формой нематериального существования.

Основные положения

Но как бы Л. Кэлер не старался отстраниться от платонизма [15, р. 216, 218], все же его теория представляет собой секуляризованную версию платонизма, в котором «мир норм» – это не трансцендентная область, а рационально артикулируемая структура [7, с. 31–32]. И вот почему. Нормы, по его мнению, не являются ни материальными объектами, ни психическими состояниями, но при этом обладают определенным пропозициональным содержанием, допускают лингвистическую вариативность, и обладают темпоральной устойчивостью, отличающую их от социальных практик или индивидуальных волевых актов. Хотя Л. Кэлер специально оговаривает, что признание этих свойств не влечет за собой принятия платоновской онтологии абстрактных объектов, однако это плохо согласуется с теми допущениями, которые фактически предполагает его аргументация. Ведь она имплицитно опирается на реалистские теории пропозиций, значения и норм. Связь платонизма и реализма, правда в контексте философии математики, где термину «платонизм» часто предпочитают термин «математический реализм», удачно описал В.В. Целищев: «Платонизм как философия математики характерен как позиция в отношении статуса концепции существования, на философском жаргоне – онтологического статуса объектов математики. Позиция эта состоит в том, что математические объекты существуют вне и независимо от человеческого сознания, являются вневременными и внепространственными сущностями, принадлежащими сфере вневещественной реальности... Несмотря на нежелательную в некоторых случаях ассоциацию (математического реализма – В.О.) с традиционными онтологическими спорами, следует признать, что она является практически неизбежной» [10, с. 493–494].

Отказ Л. Кэлера от термина «абстрактный объект» [15, р. 216] сам по себе не опровергает предположения, что его теория мало чем отличается от платонизма, скорее напротив, он его подтверждает. В статье «О минималистском понимании юридической обязанности» [4] Л. Кэлер, пытаясь обосновать онтологическую идеальность юридической обязанности, утверждает, что «нематериальный характер обязанностей проистекает из того, что они имеют пропозициональное содержание, часть которого является указанием на требуемое действие или воздержанием от него» [4, с. 46]. Благодаря такому пониманию обязанности может возникнуть соблазн рассматривать ее как «абстрактный объект», но такая характеристика представляется ему сомнительной, прежде всего в том, что обязанности нельзя абстрагировать от конкретных объектов. Поэтому вместо термина «абстрактный объект» Л. Кэлер предлагает вслед за Р. Карнапом использовать термин «абстрактная сущность» [4, с. 49]. Но ведь вполне возможно (и даже более уместно), исходя из предложенного им понимания обязанности, интерпретировать ее как *отношение*, а не как абстрактный объект, то есть как двухместную или иногда трехместную универсалию [см. 12]. Кроме того, отождествление абстрактного с универсалиями вроде «белизны» [15, р. 216] сегодня выглядит несколько наивным. Музыкальные произведения, игры, алгоритмы и даже правовые системы можно классифицировать как абстрактные или квази-абстрактные объекты, которые не будут при этом универсалиями, абстрагированными от частных случаев. Поэтому аргумент Л. Кэлера, что правовые

нормы или юридические обязанности не являются абстрактными объектами, потому что не могут быть установлены путем абстрагирования, представляется неубедительным. Здесь более важен не метод образования объекта, а та онтологическая роль, которую играют нормы или обязанности как сущности. Стремясь приписать правовым нормам онтологический статус самостоятельных, нематериальных объектов, Л. Кэлер фактически *реифицирует те интерпретативные и институциональные практики*, которые лишь порождают и поддерживают смысл нормы, но не существуют независимо от нее. Это придает нормам ложную видимость объективного и устойчивого бытия, тогда как они являются продуктом социального действия и результатом лингвистической конвенции [6, с. 47].

Кроме того, возникают некоторые сомнения в плодотворности разграничения видов идеальности, предлагаемые Л. Кэлером: моральной, юридической и онтологической. Основная проблема заключается в том, что в объем родового понятия «идеальность» включаются три различающихся по модальности и функциям родовых понятия. Ведь необходимым условием логической операции деления, раскрывающей объем родового понятия, должно быть перечисление *всех* его видов. Для этого множество мыслимых в родовом понятии предметов требуется обязательно разделять на непересекающиеся, но тем не менее в своей совокупности исчерпывающие подмножества. И здесь решающее значение имеет основание деления, то есть признак, по которому деление производится. Очевидно, что у Л. Кэлера речь идет о делении по видоизменению признака, а не о дихотомическом делении. А если так, то тогда любой из видов, получаемых в результате деления, должен приобретать один и тот же признак, лежащий в основании деления, но по-разному проявляющийся у каждого из этих видов. Но у Л. Кэлера моральная идеальность – это нормативная (оценочная) соотнесенность с моральными стандартами (справедливость, равенство), юридическая идеальность – это соответствие внутренним требованиям правовой системы (эффективность, валидность), а онтологическая идеальность – это нематериальный характер правовых норм как абстрактных объектов. То есть для выделения нового видового понятия он каждый раз использует новое основание и даже новый видообразующий признак: в одном случае – это оценочность, в другом – нормативность, в третьем – нематериальность [6, с. 46]. Но ведь это же не градации одного и того же признака, а совершенно разные (и даже несовместимые) категории. И как быть уверенным в том, что мы перечислили все виды «идеальности», как того требует правило соразмерности деления? Равняется ли «сумма» перечисленных видов делимому понятию? Почему бы еще не рассмотреть, например, политическую или социологическую идеальности, которые в равной мере допустимы?

Дискуссии и обсуждение

Ключевым элементом критики Л. Кэлером тезиса Роберта Алекси о притязании на моральную правильность является *модальный аргумент*, а именно то, что если возможно существование правовой системы, которая не претендует на моральную правильность, то сама эта правильность не может быть необходимым свойством права. Или словами Л. Кэлера: «Возможно, что правовая система прямо отрицает притязание даже на минимальную правильность. Следовательно, противоположный тезис, что любая правовая система по необходимости притязает на (минимальную) правильность, представляется неправдоподобным» [15, р. 225]. Обоснованность этого утверждения он демонстрирует на примере воображаемых конституционных преамбул, опирающихся на неконкогнитивистскую моральную позицию и на идею ограниченности человеческого познания.

Однако о какой возможности здесь идет речь? Л. Кэлер правильно утверждает, что логически возможно то, что мыслится непротиворечиво. И здесь он вступает на тонкий лед. Ведь если возможна правовая система, отрицающая притязание на моральную правильность (пусть и минимальную), то в том же самом смысле возможна правовая система, притязающая на такую правильность. Логическая возможность такой правовой системы не должна ставиться в зависимость от определенного ее понимания. Но в такой интерпретации тезис Л. Кэлера становится слабым утверждением, не способным объяснить функционирование правовой системы как институционального порядка, претендующего на правильность своих предписаний. Его тезис может лишь рассматриваться как утверждение о структурном условии возможности правовой системы, а не как то, что такой тезис опровергает аргумент о необходимом притязании права на минимальную правильность. И

это является важным моментом, потому что из возможности непротиворечиво помыслить такую систему не следует ее модальная допустимость в более сильном чем логический смысле, то есть во всех возможных мирах, в которых право реализуется как социальное или институциональное явление. Из того, что существует возможный мир w_i , в котором имеется правовая система, отрицающая притязание на моральную правильность, невыводимо то, что свойство «притязать на правильность» не является необходимым свойством права. Для такого вывода потребовалось бы показать, что среди множества возможных миров есть хотя бы один мир, в котором право не притязает на правильность. Но Л. Кэлер показывает лишь, что $\diamond \neg P$, а не то, что $\neg \blacksquare P$, где \diamond – знак модальной возможности, \blacksquare – знак модальной необходимости, P – «право притязает на моральную правильность». То есть из того, что существует возможный мир, в котором имеет место $\neg P$, не следует, что во всех возможных мирах P не является необходимым. Следовательно, модальный аргумент Л. Кэлера в слабой версии может опровергнуть тезис о притязании на правильность только при условии, что мы заранее принимаем редукционистское понимание модальной необходимости.

Интересно, что Л. Кэлер практически без обсуждения принимает допущение, что нормы обладают пропозициональным содержанием [8, с. 10–11], и что объяснение их нормативной силы требует онтологического анализа. Однако именно это допущение в современной логике норм часто становится объектом критики.

В частности, К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин предложили так называемую *экспрессивную концепцию норм* [3, с. 304], согласно которой «нормативные предложения» (то есть предложения, выражающие нормы) можно (или следует) анализировать через (а) *дескриптивный компонент*, который в терминах теории речевых актов можно назвать «пропозициональным содержанием», и который является описанием действия или положения дел, обусловленного действием, и (б) *нормативный оператор*, или нормативный (прескриптивный) компонент [2, с. 359]. Они исходили из того, что в экспрессивном понимании норма изменяться может только по иллокутивной силе (прагматический компонент), в то время как пропозициональное содержание (семантический компонент) речевого акта всегда неизменно: «Только на прагматическом уровне использования языка проявляются различия между утверждениями, вопросами, приказами, на семантическом уровне такого различия нет» [1, с. 236]. Иными словами, различие между утверждением, вопросом, приказом или предположением заключается не в значениях произносимых предложений (их пропозиционального содержания), но в различном употреблении одного и того же предложения (его иллокутивной силы). Неизменность пропозиционального содержания, казалось бы, намекает на его объективный характер. Но это лишь на первый взгляд. Напротив, экспрессивная теория показывает, что у нормативных предложений нет никакого «абстрактного смысла», который позволил бы проследить различие между приказом и предсказанием. Основная причина в том, что «нормы есть прагматические сущности, поскольку они есть результат прескриптивного речевого акта» [14, р. 1], для анализа которых прагматический аспект имеет более важное значение, нежели семантический. Таким образом, «существование» норм состоит в том, какую роль они играют в социальных практиках, а не в том, что они являются особыми онтологически идеальными сущностями. С этой точки зрения их нематериальный и непсихологический характер должен объясняться не в метафизических терминах, а в терминах выполняемой ими прагматической функции.

Таким образом, нормативное предложение, выражающее нормы, имеет две части – элемент служащий показателем пропозиции, и средство, служащее показателем иллокутивной функции. Показатель прагматической функции позволяет судить о том, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, то есть какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение. А значит иллокутивные акты могут обладать разной иллокутивной силой, но одинаковым пропозициональным содержанием [9, с. 132]. И хотя у этого аргумента есть свои ограничения, которые обнаруживаются, например, в логике императивов [см. 13], но для анализа теории Л. Кэлера это не так важно. Более важно то, как зафиксировать абстрактный смысл пропозиционального содержания нормы. Л. Кэлер предлагает сначала зафиксировать семантику нормы (см. пример конституционных преамбул). Но обращение к нормативным предложениям, которые выражены соответствующими прескриптивными речевыми актами, как раз показывает, что различия между, например, приказами и просьбами проявляются только на прагматическом уровне использования

языка, в то время как на семантическом уровне такого различия нет. Ведь даже если мы зафиксируем пропозициональное содержание, это никак не повлияет на установление иллюкутивной силы, которая будет варьироваться в зависимости от контекста. И тогда аргумент Л. Кэлера о пропозициональном содержании онтологически идеальных сущностей будет хотя и верным, но имеющим тривиальное эпистемологическое значение. Без учета иллюкутивной силы (прагматического аспекта) и в условиях меняющихся лингвистических практик он будет совершенно бесполезен.

Заключение

Несмотря на несомненно оригинальные идеи и аргументы, изложенным Л. Кэлером в анализируемой статье, есть некоторые замечания, которые требуют внимания.

Во-первых, понятие онтологической идеальности, несмотря на частые оговорки автора, все же предполагает реалистскую онтологию. И это не является ограничением или существенным недостатком его проекта. Скорее напротив, реалистская онтология может позволить усилить методологические основания предлагаемой теории и дезавуировать проблему абстрактных объектов.

Во-вторых, модальная критика автора тезиса о притязании права на минимальную моральную правильность требует уточнения. Из того, что можно непротиворечиво помыслить правовую систему, не претендующую на моральную правильность, не следует, что притязание на правильность не является необходимым свойством права. Указание на отсутствие здесь противоречия не затрагивает вопроса об условиях существования и функционирования права как институционального нормативного порядка.

В-третьих, игнорирование, например, экспрессивных теорий нормативности оставляет открытой возможность того, что указанные Л. Кэлером свойства правовых норм (внеэмпирический характер, независимость от времени и т.д.) могут быть проинтерпретированы не как характеристики особого статуса онтологических сущностей, а как прагматические следствия той роли, которую нормы играют в практике применения и нормативной аргументации.

В. В. Оглезнев, философия ғылымдарының докторы, профессор, Мақсұт Нәрікбаев атындағы ҚАЗГЮУ Университеті, Жоғары құқық мектебі (Астана, Қазақстан Республикасы): Құқықтың онтологиялық идеалдылығы, модальдық аргументтер және нормативтік сөйлемдер.

Мақаланың өзектілігі неміс құқық философы Лоренц Келердің осы басылым нөмірінде жарық көрген «Құқықтың идеалды өлшемі деген не?» атты еңбегі аясында құқықтық нормалардың онтологиялық мәртебесі мен онтологиялық идеалды болмыстың табиғаты жөніндегі философиялық және құқықтық талқылауды жалғастыруымен айқындалады. Зерттеу нысаны – құқықтың онтологиялық идеалдылығы туралы теория және оның модальдық пен нормативтік алғышарттары. Зерттеудің мақсаты – Келердің құқықтың моральдық дұрыстыққа талап қоюы туралы тезисіне қатысты алға тартқан уәждерін сыни тұрғыдан талдау болып табылады.

Зерттеу әдістемесі ұғымдық талдау мен модальды-логикалық аргументтерді қайта құрастыру тәсілдеріне негізделді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы Келер тұжырымдамасының реалистік іргетастарын айқындауда және онтологиялық идеализмге балама түсіндірмелік модельдерді тартуда көрініс табады.

Негізгі ғылыми нәтижелер көрсеткендей, Келердің модальдық аргументі құқықтың моральдық дұрыстыққа талабының институционалдық емес, тек логикалық қажеттілігін ашып көрсетеді және нормативтілікті метафизикалық емес тұрғыдан талдауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: онтологиялық идеалдылық; дұрыстыққа талап; болмыс; нормативтілік; құқық метафизикасы; пайым мазмұны; идеалды мәндер; эмпирикалық фактілер; құқықтық нормалар; Лоренц Келер.

V. V. Ogleznev, Doctor of Philosophy, Professor, Higher School of Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): Ontological Ideality, Modal Arguments and Normative Sentences.

The relevance of topic lies in continuing the philosophical and legal discussion of the ontological status of legal norms and the nature of ontologically ideal entities in the context of the article by the German

legal philosopher Lorenz Kaehler, “What Is the Ideal Dimension of Law?”, published in the present issue. *The subject of study* is the theory of the ontological ideality of law and its modal and normative presuppositions. *The aim* of the article is to provide a critical analysis of Kaehler’s arguments in relation to the thesis of law’s claim to moral correctness. *The methodological framework* consists of conceptual analysis and modal-logical reconstruction of the arguments. *The novelty of research* lies in identifying the realist foundations of Kaehler’s theory and in drawing on alternative explanatory models to ontological idealism. *The main conclusions* are that Kaehler’s modal argument concerns only the logical, but not the institutional, necessity of law’s claim to moral correctness, and that it leaves open the possibility of a non-metaphysical account of normativity.

Keywords: ontological ideality, claim to correctness, existence, normativity, metaphysics of law, propositional content, ideal entities, empirical facts, legal norms, Lorenz Kaehler.

Список литературы:

1. Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Экспрессивная концепция норм. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 234–261.
2. Булыгин Е.В. Нормы и логика: Ганс Кельзен и Ота Вайнбергер. Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. Под ред. М. В. Антонова, Е. В. Лисанюк. СПб: Алеф-Пресс, 2016. С. 358–378.
3. Дидикин А.Б. Границы применимости логического анализа в эпистемологии права. Как возможна логика в праве? Под ред. М. В. Антонова, Е. В. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб: Изд-во Алетейя, 2022. С. 299–332.
4. Кэлер Л. О минималистском понимании юридической обязанности. Право и государство. 2025. № 2(107). С. 44–59.
5. Кэлер Л. Ослабленная реальность права. Право и государство. 2023. № 1(98). С. 40–59.
6. Оглезнев В.В., Бондарев В.Г. Философские основания теории онтологической идеальности права Лоренца Кэлера. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 37–49.
7. Оглезнев В.В. Минимализм и его ограничения: критический анализ онтологии юридической обязанности Лоренца Кэлера. Право и государство. 2025. № 2(107). С. 29–34.
8. Оглезнев В.В. В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера. Право и государство. 2023. № 1(98). С. 6–15.
9. Оглезнев В.В. «Значение как употребление», нормативные предложения и иллокутивная сила. Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3(33). С. 127–134.
10. Целищев В.В. Математический платонизм. Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 492–504.
11. Alexy R. The Dual Nature of Law. Ratio Juris. 2010. Vol. 23. No. 2. P. 167–182.
12. Balaguer M. Platonism in Metaphysics. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2025 Edition). Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/platonism/> (16.11.2025).
13. Fillion N., Lynn M. The Content and Logic of Imperatives. Axiomathes. 2021. Vol. 31. P. 419–436.
14. Guastini R. Two Conceptions of Norms. Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. Vol. 35. P. 1–10.
15. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? Ratio Juris. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.

References (transliterated):

1. Alchourrón C., Bulygin E. Jekspressivnaja koncepcija norm [The Expressive Conception of Norms]. In «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm [“Normative Systems” and Other Papers in Philosophy of Law and Logic of Norms]. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. P. 234–261.
2. Alexy R. The Dual Nature of Law. Ratio Juris. 2010. Vol. 23, No. 2. P. 167–182.

3. Balaguer M. Platonism in Metaphysics. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2025 Edition). Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/platonism/> (16.11.2025).
4. Bulygin E.V. Normy i logika: Gans Kel'zen i Ota Vajnberger [Norms and Logic: Hans Kelsen and Ota Weinberger]. In E. V. Bulygin. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava [E. V. Bulygin. Selected Papers on Theory and Philosophy of Law]. M. V. Antonov & E. V. Lisanyuk (eds.). SPb: Alef-Press, 2016. P. 358–378.
5. Didikin A.B. Granicy primenimosti logicheskogo analiza v jepistemologii prava [The Limits of Applicability of Logical Analysis in Epistemology of Law]. In Kak vozmozhna logika v prave? [How Logic Can Be Possible in Law?]. M. V. Antonov, E. V. Lisanyuk, E. N. Tonkov (eds.). SPb: Izd-vo Aletejja, 2022. P. 299–332.
6. Fillion N., Lynn M. The Content and Logic of Imperatives. *Axiomathes*. 2021. Vol. 31. P. 419–436.
7. Guastini R. Two Conceptions of Norms. *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. 2018. Vol. 35. P. 1–10.
8. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? *Ratio Juris*. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.
9. Kaehler L. O minimalistskom ponimanii juridicheskoy objazannosti [Towards a Minimal Concept of Legal Obligation]. *Pravo i gosudarstvo*. 2025. Vol. 107, No. 2. P. 44–59.
10. Kaehler L. Oslablennaja real'nost' prava [On Attenuated Reality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 2023. Vol. 98, No. 1. P. 40–59.
11. Ogleznev V.V., Bondarev V.G. Filosofskie osnovanija teorii ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorenca Kjelera [Philosophical Foundations of Lorenz Kaehler's Theory of The Ontological Ideality of Law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2025. Vol. 86. P. 37–49.
12. Ogleznev V.V. Minimalizm i ego ogranichenija: kriticheskij analiz ontologii juridicheskoy objazannosti Lorenca Kjelera [Minimalism and Its Limits: A Critical Analysis of Lorenz Kaehler's Ontology of Legal Obligation]. *Pravo i gosudarstvo*. 2025. Vol. 107, No. 2. P. 29–34.
13. Ogleznev V.V. V kakom smysle pravo real'no? Teorija ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorenca Kjelera [In What Sense Is A Law Real? Lorenz Kähler's Theory of The Ontological Ideality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 2023. Vol. 98, No. 1. P. 6–15.
14. Ogleznev V.V. «Znachenie kak upotreblenie», normativnye predlozhenija i illokutivnaja sila [“Meaning as Use”, Normative Sentences, and Illocutionary Force]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*. 2022. Vol. 33, No. 3. P. 127–134.
15. Tselishhev V.V. Matematicheskij platonizm [Mathematical Platonism]. *Schole. Filosofskoe antikoovedenie i klassicheskaja tradicija*. 2014. Vol. 8, No. 2. P. 492–504.

Для цитирования и библиографии: Оглезнев В.В. Онтологическая идеальность, модальные аргументы и нормативные предложения // *Право и государство*. № 4(109), 2025. – С. 93-99. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_4_93

Материал поступил в редакцию 23.10.2025